

УДК 81`27

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-108-117

«ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ БУКВАЛИЗМ»: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.***Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – некоторые аспекты рассмотрения понятия так называемого «буквального перевода». Отмечается, что данное словосочетание используется преимущественно как оценочное (точнее, негативно-оценочное) понятие, хотя периодически предпринимались попытки пересмотра подобного отношения, вызывавшие, как правило, острые дискуссии. В связи с этим авторами подчёркивается целесообразность соблюдения принципа историзма при рассмотрении буквалистских тенденций в ту или иную эпоху, что позволит подходить к анализу данного явления с необходимой степенью научной объективности.

Ключевые слова: оригинал, перевод, буквализм, историзм, оценка, развитие, язык.

LITERAL TRANSLATION: THE PAGES OF HISTORY**I. Belyaeva, G. Khukhuni***Moscow State Regional University**10A, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The present paper deals with some aspects connected with the notion of the so-called 'literal translation'. This word combination is normally used as an evaluative term (more precisely – a term with negative connotations). Periodically attempts were made to re-evaluate this approach. As a rule, they provoked heated discussion. In this connection the authors postulate the necessity to adhere to the principle of historicism in describing the tendencies to literal translation in different period, thus providing the possibility to analyze the phenomenon with the necessary degree of objectivity.

Key words: original, translation, literalism, historicism, estimation, development, language.

В известной «Хартии переводчика», принятой в 1963 г. на IV Конгрессе Международной федерации переводчиков и считающейся с тех пор своего рода «символом веры» для специалистов, работающих в области межъязыковой коммуникации, после указания на то, что «всякий перевод может быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала, соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика», – следует характерное уточнение: «Верный перевод не следует, однако, смешивать с переводом буквальным, поскольку верность не исключает необходимых изменений, имеющих целью дать почувствовать на другом языке, в другой стране форму, атмосферу и внутренний смысл произведения» [15].

© Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т., 2016.

Разумеется, как и все документы и декларации общего характера, процитированные положения оставляют открытым вопрос о том, каким может быть конкретный характер упомянутых «необходимых изменений» и за какой гранью эти последние уже лишают перевод возможности «точно передавать мысль и форму оригинала». Этот вопрос постоянно стоял в центре переводческих дискуссий «от Ромула до наших дней»¹. Однако для нас сейчас важно отметить, что «буквальный перевод» (хотя и без конкретизации того, что он из себя представляет) однозначно расценивается в «Хартии» как явление негативное.

Отметим, что такую трактовку «переводческий буквализм» получал и получает в подавляющем большинстве теоретических и учебно-методических работ, посвящённых пробле-

мам перевода. Однако периодически предпринимались попытки взглянуть на рассматриваемое явление по-иному (наиболее известна в этой связи – не в последнюю очередь благодаря личности автора – относящаяся к 70-м годам прошлого века статья М.Л. Гаспарова [6]), но общей картины они не меняли.

Новый импульс спорам о «переводческом буквализме» придала вышедшая относительно недавно монография А.Г. Азова [3], вызвавшая весьма резкие полемические отклики (см., например, статью Д.М. Бузаджи [5], где можно найти и ссылки на другие выступления по поводу данной работы). При этом тональность происходивших дискуссий далеко не всегда носила строго академический характер – что вполне понятно, учитывая, что касались они либо современности, либо относительно недавнего прошлого.

Учитывая указанные моменты, мы сочли целесообразным рассмотреть некоторые аспекты данной проблемы в историческом плане. С одной стороны, такое отстранение от злобы дня, на наш взгляд, даёт возможность более объективного и беспристрастного анализа интересующего нас феномена, с другой – обращение к истокам того или иного явления позволяет выявить довольно существенные особенности его генезиса и дальнейшего развития. Основное внимание при этом уделяется именно высказываниям теоретического характера, хотя приходится принимать во внимание и тот факт, что далеко не для всех периодов развития переводческой мысли можно констатировать наличие достаточно чёткого обоснования соответствующих способов межъязыковой передачи.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к классиче-

¹ Так, известный своими «антибуквалистскими» взглядами К.И. Чуковский считал недопустимым искажением оригинала фразу из принадлежащего И.И. Введенскому перевода одного из романов Диккенса: «Я кликнул извозчика». Он заметил по этому поводу: «В подлиннике, конечно, нет... ‘извозчика’... так как дело происходило не на Ордынке, а в Лондоне» [16, с. 150–151]. В 60-е гг. прошлого века другой противник переводческого буквализма – С.М. Петров, напротив, с явным неодобрением заметил: «В переводах с английского <...> всё больше <...> возят англичан не извозчики, а кэбмены. А чем по сути дела <...> отличается <...> кэбмен от русского ваньки, переводчик, верно, и сам не знает. Да и существенны ли эти различия? Трудно, а часто и невозможно сделать достаточно экспрессивную и в то же время естественную фразу, если в ней будет кэбмен, а не извозчик» [11, с. 242–243]. Ср. с относящимся уже к нашему времени замечанием полемизирующего с «буквалистами» Д.М. Бузаджи: «Увидев в переводе с английского ‘адвоката’ вместо ‘барристера’, читатель не решит, что перед ним произведение русского автора, но назвать английского извозчика ванькой, конечно, нельзя» [5, с. 39].

скому учебнику А.В. Федорова. Приводя в качестве примера буквалистских переводов, в частности, ранние версии Священного Писания, учёный, с одной стороны, указывает, что «буквальность перевода проистекала не столько из осознанного теоретического принципа, сколько из пиетета, 'священного трепета' перед библейскими текстами, равно как и из лингвистической наивности большинства переводчиков этого периода, непонимания ими всей степени расхождения между языками, из предположения, что один язык можно механически приноровить к другому», а с другой – исключает из числа упомянутого «большинства переводчиков» творца латинской Вульгаты блаженного Иеронима, утверждая, что он – вслед за Цицероном – определял свою задачу как перевод «не от слова к слову, а от значения к значению (*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*)» [14, с. 25].

Разумеется, сколь-нибудь глубокое исследование буквалистских тенденций в переводах Библии, равно как и взглядов блаженного Иеронима, в задачи А.В. Федорова не входило. Однако, учитывая, что его труд в наши дни переиздается и используется в качестве актуального учебного пособия при обучении будущих переводчиков, обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, как хорошо известно, декларируя свою приверженность рассматриваемому принципу, Иероним подчёркнуто исключал из своего труда переводы Священного Писания: «*Ego enim non solum fateor, sed libera voce profiteor, me in interpretatione Graecorum, absque Scripturis sanctis, ubi et verborum ordo mysterium est, non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*» [17]¹.

¹ В русском переводе: «Я не только признаю,

Во-вторых, у его современника – блаженного Августина (о его переписке с Иеронимом по проблемам перевода Библии см. в статье А. Сидоренко [13]) можно найти следующее рассуждение: «Поскольку, не справляясь с языком подлинника, часто нельзя видеть самой мысли переводчиков, которую они, каждый по своей способности и разумению, стараются передать нам; и, поскольку переводчик, если он не вполне учен, сбившись с прямого пути, отдаляется большею частью от самых мыслей переводимого им Писателя, то читатель или должен стараться о познании тех языков, с которых перелagается Писание на язык Латинский, или должен иметь переводы более буквальные – не потому, чтобы сии переводы были вполне удовлетворительны, но потому, что они могут читателю показать исправность или погрешность державшихся в переводах своих не столько слов, сколько мыслей. Ибо в буквальных переводах перелagаются не только отдельные слова, но даже частые обороты речи, которые не употребительны в языке Латинском без нарушения издревле установленных правил речи. Такие переводы большею частью ничего не отнимают у ума, хотя и оскорбляют вкус тех, для которых приятнее читать истины, выраженные чистым и правильным языком» [1].

Нетрудно заметить, что в данном случае едва ли можно говорить как об отсутствии у автора процитированных строк «осознанного теоретического принципа», так и о «лингвистической наивности» и убеждении,

но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме Священного Писания, где сам порядок слов – тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью» [4].

«что один язык можно механически приноровить к другому». Напротив, формулировка Августина чётко указывает на то обстоятельство, что буквальны́е переводы нарушают нормы языка, на который он осуществляется, и стилистически могут представляться весьма несовершенными («оскорбляют вкус»). Однако они, по утверждению автора, имеют неоспоримое достоинство: без каких-либо отклонений воспроизводят не только идею, но и словарный состав исходного текста и тем самым являются необходимым подспорьем для корректировки переводов, выполненных по приведённому выше принципу *sensum de senso*. Иными словами, перед нами в данном случае вполне осознанный теоретический принцип предпочтения того, что представляется в данном случае более важным, «чистому и правильному языку», который, однако, по мысли Августина, может привести к «отдалению от мыслей» исходного текста. Причём, хотя интересуется знаменитого Учителя Церкви именно библейский перевод, сам по себе выдвинутый им тезис мог применяться и к произведениям не только сакрального характера.

Отметим, что творивший более тысячелетия спустя после блаженного Августина Мартин Лютер, чей «антибуквализм» считается само собой разумеющимся, рядом с многократно повторяющимся призывом «оставить в покое буквы», признавал, что сам он далеко не всегда следовал этому последнему, а, напротив, вместе со своими помощниками воспроизводил «буквы» подлинника со всевозможной тщательностью и – что для последовательного противника буквального перевода может показаться парадок-

сальным – в сомнительных случаях предпочитал скорее нанести ущерб языку перевода, чем отклониться от слов оригинала: «Doch hab ich wiederum nicht allzu frei die Buchstaben lassen fahren, sondern mit großer Sorgfalt samt meinen Gehilfen darauf gesehen, so daß, wo es etwa drauf ankam, da hab ich's nach den Buchstaben behalten und bin nicht so frei davon abgewichen... ich habe eher wollen der deutschen Sprache Abbruch tun, denn von dem Wort weichen» [18].

Несколько иное обоснование переводческого буквализма обнаруживается у некоторых представителей европейского гуманизма. О «священном трепете» здесь едва ли можно говорить, поскольку основным объектом межъязыковой передачи у них выступали памятники античной культуры. А с каким бы пиететом ни относились к ним деятели Возрождения, ореолом сакральности творения древнегреческих и римских классиков в их глазах явно окружены не были. Однако с самими исходными языками дело обстояло по-иному: престиж греческого и латыни («каковы суть цари всех языков», по известному выражению, вложенному Сервантесом в уста Дон Кихота) был несопоставим с престижем «вульгарных» (если не вообще «варварских») новых европейских языков. Более того, сама пригодность последних в качестве средства полноценной литературной коммуникации вызывала серьёзные сомнения, поскольку они, в глазах многих «учёных мужей», были «лишены искусства и правильности». Подобная предпосылка естественным образом приводила к заключению, согласно которому, чем больше удастся приблизить язык перевода к «царственному» идиому, на

котором был создан оригинал, тем более первый сможет обогатиться и хоть отчасти приблизиться к тому идеалу, который представляют собой классические языки. Фактор же доступности переводного текста той аудитории, которая последних не знает, а следовательно, может подобного «латинизированного» / «грецизированного» языка не оценить и даже не понять, гуманистами с их утончённой элитарностью мог во многих случаях просто игнорироваться. Наиболее показательной в этом отношении считается позиция Никласа фон Виле, отмечавшего в предисловии к своим переводам, что, передавая латинский оригинал слово в слово, он «желал быть правильно понятым» и не слишком заботился о том, чтобы полученный результат был бы доступен грубым и необразованным простолюдинам, поскольку немецкий язык, извлечённый из изящной и благозвучной латыни, также будет и хорошим немецким языком, отнюдь не нуждающимся в каком-нибудь исправлении: «Ich aber kom da hin ich wolt, vnd verstanden werd, warumb ich dise translaciones vf das genewest dem latin nâch gesetzt hab √ vnd nit geachtet √ ob dem schlechten gemainen vnd vnernieten man das vnuerstentlich sin werd oder nit... usz gûtem zierlichen vnd wol gesetzten latine gezogen vnd recht vnd wol getranferyeret wer √ ouch gût zierlich tûtsche vnd lobes wirdig, haissen vnd sin müste, vnd nit wol verbessert werden möcht» [19]. Автор этих слов был отнюдь не одинок в своих взглядах, хотя у него нашлось и немало противников (см., в частности, [7]).

К сказанному следует добавить, что стремление «обогащать» переводной язык путём буквальной передачи ино-

язычных оригиналов (особенно созданных на «престижных» идиомах) можно в какой-то степени считать характерным для тех эпох, когда происходит либо формирование, либо существенное изменение того литературного языка, на который перевод осуществляется. Показателен в этом отношении, в частности, русский XVIII в. Так, А.Д. Кантемир, передавая оды Горация, писал: «В многих местах я предпочёл переводить Горация слово от слова, хотя сам чувствовал, что принуждён был к тому употребить или слова, или образы речения новые и потому не вовсе вразумительные читателю, в латинском языке искусному. Поступок тот тем извиняю, что я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке “Письма” Горациевы, по-латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь. Да ещё и другая польза от того произойдёт, ежели напоследок те новые слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно. К тому мне столь больше надежда основана, что те введённые мною новые слова и речения не противятся сродству языка русского, и я не оставил оных силу изъяснить в приложенных примечаниях, так чтоб всякому были вразумительны, нужны были теперь те примечания; со временем оные новизны, может быть, так присвоены будут народу, что никакого толку требовать не будут» [12, с. 30].

Характерно, что А.Д. Кантемир отнюдь не рассматривает использованные им заимствования и кальки

как средства, специально предназначенные для некоего «переводческого языка» (в стремлении создать который часто упрекали буквалистов позднейших веков). Напротив, «обогащение» переводного языка, по его мысли, состоит в том, чтобы они были освоены последним и вошли бы в широкое употребление, включая сферы, с передачей иноязычных текстов не связанные. Этот последний момент наглядно проявился и в словах М.В. Ломоносова, к «буквалистам» в собственном смысле, как известно, отнюдь не принадлежавшего, о славянских версиях Священного Писания: «Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сём, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно» [9, с. 395].

Принципиально иной характер носили элементы «буквализма» (если в данном случае уместно употреблять это понятие) в тех переводческих концепциях, которые связаны со взглядами немецких романтиков и В. фон Гумбольдта. Здесь уже речь шла не столько об опасении исказить содержание переводимого текста (тем более из «священного трепета» перед ним) или стремлении «обогатить» родной язык, перенося в него лексику, фразеологию и обороты чужого, сколько о необходимости сохранить колорит этого

последнего, используя языковые и стилистические средства, в определённой степени отличающиеся от тех, которые применяются при создании оригинальных произведений. Отметим, что иногда именно представители немецкого романтизма (наряду с отечественными «буквалистами») являются «мишенью» *антибуквалистских* выступлений, когда речь идёт о прошлом переводческой мысли. Одним из наиболее ярких примеров может служить упомянутая выше статья, где «Шлейермахер, Гаспаров и Ланн» приводятся в одном ряду в качестве объектов для критики как авторы, которые «никакого мало-мальски законченного определения 'мастеровитому' буквализму не дают, а только упоминают о желательности сохранения тех или иных формальных элементов» [5, с. 46].

Поскольку в предлагаемой статье мы не ставим перед собой ни полемической цели (о чём уже упоминалось выше), ни задачи рассмотреть концепции немецких романтиков и В. фон Гумбольдта (взгляды которых одному из авторов отчасти уже доводилось затрагивать [10, с. 129–140]), ограничимся только одним замечанием. Если переводческие концепции романтиков и В. фон Гумбольдта, будучи «буквалистическими», есть не что иное как «тупиковая ветвь в развитии переводческой мысли» [5, с. 49], а виднейший теоретик романтического перевода Ф.-Д. Шлейермахер «промахнулся в самом главном» [5, с. 46], то чем объяснить тот широко известный факт, что именно с деятельностью немецких романтиков оказался связанным один из самых замечательных периодов развития художественного перевода, а созданные ими версии произведе-

ний зарубежной классики получили на родине признание в качестве классических? (Приносим извинения на невольный каламбур.) Целесообразно вспомнить в этой связи слова С.С. Аверинцева: «... Романтизм – великая, может быть величайшая эпоха в истории художественного перевода: достаточно вспомнить работу Августа Шлегеля над театром Шекспира и Кальдерона и работу Шлейермахера над диалогами Платона» [2, с. 561]. Если учесть, что названными именами достижения немецкого романтизма в интересующей нас области отнюдь не исчерпываются (вспомним хотя бы принадлежащий Л. Тику перевод «Дон Кихота»), то возникает следующая дилемма. Либо придётся признать, что вся блестящая плеяда относящихся к этому направлению деятелей создавала замечательные переводы «вопреки» своим творческим принципам (что, на наш взгляд, представляется, по меньшей мере, не-

сколько натянутым), либо согласиться с С.С. Аверинцевым (как, впрочем, и с подавляющим большинством отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся данным вопросом), что дело обстоит принципиально иным образом. «Явление романтического художественного перевода <...> тем и отличается, что его драматическая пружина, его ‘интрига’, его ‘изюминка’ – контраст и встреча ‘своего’ и ‘чужого’, встреча именно через контраст, который настолько восчувствован, что и встреча происходит под знаком собственной невозможности» [2, с. 562].

Всё сказанное ещё раз подтверждает, что так называемый «переводческий буквализм» представляет собой весьма сложное, многоаспектное и обусловленное различными причинами явление, дальнейшее изучение которого можно признать актуальной задачей истории перевода и переводческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин Блаженный. Христианская наука или основания герменевтики и церковного красноречия [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovanija-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/ (дата обращения: 31.07.2014).
2. Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. Т. II. М.: Радуга, 1985. С. 553–574.
3. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2013. 304 с.
4. Блаженный Иероним Стридонский. Письмо LVII. К Паммахию о наилучшем способе перевода. Перевод с латыни Н. Холмогоровой под редакцией М. Касьян и Т. Миллер [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/pismo-lvii-k-pammaxiyu-o-nailuchshem-sposobe-perevoda/> (дата обращения: 04.10.2015).
5. Бузаджи Д.М. Что такое буквализм? // Журнал переводчиков «Мосты». 2014. № 2 (42). С. 37–49.
6. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сборник 8-й. М.: Советский писатель, 1971. С. 88–128.
7. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. / М.: Наука, 1984. 248 с.
8. Ломоносов М.В. О переводах. [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-7652.htm> (дата обращения: 04.10.2015).

9. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1980. С. 394–399.
10. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): учебное пособие. М.: Флинта, 2006. 416 с.
11. Петров С.М. Об уравнении коэффициентов импрессии и экспрессии в языке художественного перевода // Актуальные проблемы теории художественного перевода. Т. II. Материалы Всесоюзного симпозиума (25 февраля – 2 марта 1966 г.). М.: Союз писателей СССР. Совет по художественному переводу, 1967. С. 228–245.
12. Русские писатели о переводе XVIII-XX вв. / Ред. Левин Ю.Д., Федоров А.В. Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
13. Сидоренко А. Вопросы перевода и интерпретации Священного Писания в переписке блаженного Августина с блаженным Иеронимом // XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: материалы. Том I. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 176–188.
14. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностранных языков: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1963. 303 с.
15. Хартия переводчика [Электронный ресурс] // Переводы. URL: http://enru.pro/charter_of_translators.html (дата обращения: 30.09.2015).
16. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: ИД «Аквалон», Издательский Дом «Азбука—классика», 2008. 448 с.
17. Jerome's Letter to Pammachius 'On the Best Method of Translating' [Электронный ресурс] // Bible Research Internet Resources for Students of Scripture. URL: <http://www.bible-researcher.com/jerome.pammachius.html> (дата обращения: 02.10.2015).
18. Luther M. Sendbrief vom Dolmetschen [Электронный ресурс] // Sochorek. URL: <http://www.sochorek.cz/archiv/werke/luther.htm> (дата обращения: 04.10.2015).
19. Niklas von Wyle. Translatzion oder Tütschungen. Vorrede [Электронный ресурс] // Bibliotheca Augustana. URL: [http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/15\]h/Wyle/wyl_trvo.html](http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/15]h/Wyle/wyl_trvo.html) (дата обращения: 04.10.2015).

REFERENCES

1. Avgustin Blazhennyi. Khristianskaya nauka ili osnovaniya germenevtiki i tserkovnogo krasnorechiya [Elektronnyi resurs] [Augustine of Hippo. Christian science or the Foundation of the hermeneutics and the Church of eloquence [Electronic resource]] // Azbuka very [The ABCs of faith]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovaniya-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechiya/ (request date: 31.07.2014).
2. Averintsev S.S. Razmyshleniya nad perevodami Zhukovskogo [Reflections on translations of Zhukovsky] // Zarubezhnaya poeziya v perevodakh V.A. Zhukovskogo. T. II [Foreign poetry in translation by V. A. Zhukovsky. Vol. II]. М., Raduga, 1985. pp. 553–574.
3. Azov A.G. Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody [Defeated literalists: history of literary translation in the USSR in 1920–1960-ies]. М., Izd-vo Vyshei shkoly ekonomiki, 2013. 304 p.
4. Blazhennyi Ieronim Stridonskii. Pis'mo LVII. K Pammakhiyu o nailuchshem sposobe perevoda. Perevod s latyni N. Kholmogorovoi pod redaktsiei M. Kas'yan i T. Miller [Elektronnyi resurs] [Blessed Jerome. Letter LVII. To Pammachius about the best way to translate. Translated from Latin by N. Kholmogorov, edited by M. Kassian and T. Miller [Electronic resource]] // Pravoslavie i mir [Orthodoxy and the world]. URL: <http://www.pravmir.ru/pismo-lvii-k-pammakhiyu-o-nailuchshem-sposobe-perevoda/> (request date: 04.10.2015).
5. Buzadzhi D.M. Chto takoe bukvalizm? [What is literalism?] // Zhurnal perevodchikov «Mosty». 2014. no. 2 (42). pp. 37–49.

6. Gasparov M.L. Bryusov i bukvalizm (Po neizdannym materialam k perevodu «Eneidy») [Bryusov and literalism. (Unpublished materials related to the translation of "the Aeneid")] // Masterstvo perevoda. Sbornik 8-i [The skill of translation. Collection 8]. M., Sovetskii pisatel', 1971. pp. 88–128.
7. Gukhman M.M., Semenyuk N.N., Babenko N.S. Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka XVI–XVIII vv. [The history of the German literary language of the XVI–XVIII centuries]. M., Nauka, 1984. 248 p.
8. Lomonosov M.V. O perevodakh [Elektronnyi resurs] [On translations [Electronic resource]] // Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. Russkaya literatura i fol'klor [Fundamental electronic library. Russian literature and folklore]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-7652.htm> (request date: 04.10.2015).
9. Lomonosov M.V. Predislovie o pol'ze knig tserkovnykh v rossiiskom yazyke [Preface on the benefits of Church books in the Russian language] M.V. Lomonosov. Izbrannaya proza [M. V. Lomonosov. Selected prose]. M., Sovetskaya Rossiya, 1980. pp. 394–399.
10. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneishikh vremen do nashikh dnei): uchebnoe posobie [The science of translation (history and theory from ancient times to our days): a manual textbook]. M., Flinta, 2006. 416 p.
11. Petrov S.M. Ob uravnenii koeffitsientov impressii i ekspressii v yazyke khudozhestvennogo perevoda [On the equation for the coefficients of impressions and expression in the language of literary translation] // Aktual'nye problemy teorii khudozhestvennogo perevoda. T. II. Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma (25 fevralya – mart 1966) [Problems of theory of literary translation. Vol. II. Materials of all-Union Symposium (February 25 – March 1966)]. M., Soyuz pisatelei SSSR. Sovet po khudozhestvennomu perevodu, 1967. pp. 228–245
12. Russkie pisateli o perevode XVIII–XX vv. [Russian writers on translation of XVIII–XX centuries.]. L., Sovetskii pisatel', 1960. 696 p.
13. Sidorenko A. Voprosy perevoda i interpretatsii Svyashchennogo Pisaniya v perepiske blazhennogo Avgustina s blazhennym Ieronimom [Problems of translation and interpretation of Scripture in the correspondence of blessed Augustine with blessed Jerome] // XIX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya PSTGU: materialy. Tom I [XIX Annual theological conference of PSTGU: materials. Vol. I]. M., Izd-vo PSTGU, 2009. pp. 176–188.
14. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy). Dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov: ucheb. posobie [Fundamentals of general theory of translation (linguistic problems). For institutes and faculties of foreign languages: textbook]. M., Vysshaya shkola, 1963. 303 p.
15. Khartiya perevodchika [Elektronnyi resurs] [Charter of translator [Electronic resource]] // Perevody [Translations]. URL: http://enru.pro/charter_of_translators.html (request date: 30.09.2015).
16. Chukovskii K.I. Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda [High art. Principles of literary translation]. SPb., ID «Akvalon», Izdatel'skii Dom «Azбука—klassika», 2008. 448 p.
17. Jerome's Letter to Pammachius 'On the Best Method of Translating' [Electronic resource] // Bible Research Internet Resources for Students of Scripture. URL: <http://www.bible-researcher.com/jerome.pammachius.html> (request date: 02.10.2015).
18. Luther M. Sendbrief vom Dolmetschen [Electronic resource] // Sochorek. URL: <http://www.sochorek.cz/archiv/werke/luther.htm> (request date: 04.10.2015).
19. Niklas von Wyle. Translatzion oder Tütschungen. Vorrede [Electronic resource] // Bibliotheca Augustana. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/15Jh/Wyle/wyl_trvo.html (request date: 04.10.2015).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ирина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, декан лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Irina - candidate of philology, docent, dean of Linguistic faculty of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow State Regional University;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Khukhuni Georgy – doctor of philology, professor, head of Language Theory and Anglistics department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow State Regional University;
e-mail: khukhuni@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. «Переводческий буквализм»: страницы истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 108–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-108-117

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Belyaeva, G. Khukhuni. Literal translation: the pages of history // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no 1. pp. 108–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-108-117